

Не было б Арины Родионовны...

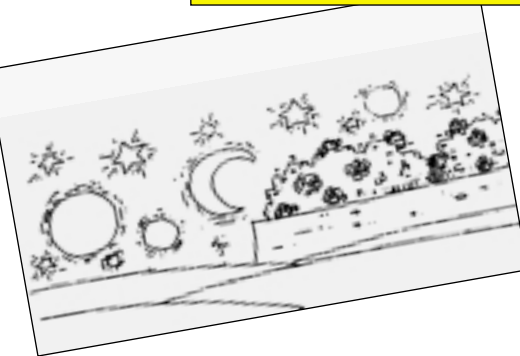
А.М. Баженов

В послепетровской России, кажется, все было сделано для того, чтобы «вполне русские люди» (то есть православные русские люди) в правящее сословие не входили. Образованный свет пропускал в свой круг тех, кто способен был просочиться через «языческое сито». Христианину дороги «наверх» не было.

Как Нева в гранит, оделась Россия XVIII века в панцирь «римского» Закона. И не только государственного: законы моды и законы сословной формальной чести с неменьшей жестокостью превращали дворян в своих невольников. Русскому человеку, с его благодатной, неподзаконной душой, в тягость было носить «приличьем стянутую маску», и, оказавшись в «обществе», он нередко вступал с ним в смертельный конфликт. Пронести крест наверх по ступеням социальной иерархии удавалось немногим. И для тех, кто осиливал эту многотрудную задачу, верхняя ступень часто оказывалась голгофой.

Желание выжить и жить заставляло дворянство учиться светскому законопослушанию. Однако при этом оно теряло внутреннюю христианскую свободу воли, обретая роковые цепи фатального языческого мироощущения. В результате – просвещенное сословие преследовали, как прилипчивая болезнь, «байронический сплин» и стремление развеять вечную тоску механическим деланием карьеры или состояния, ритуально-жестким порядком жизни (без «пустот»).

Замыкание в сфере чисто европейской культуры приводило к полному отчуждению от православной «Москвы». У «петербуржца» рождался комплекс метафизического сиротства. Отсюда – его «обида», озлобленность, «врожденное» диссидентство («Карету мне, карету!»), вечное предъявление претензий «злой мачехе» России, которая не желает понимать своих



«лучших детей», «алчущих познаний», предрасположенных «к искусствам творческим, высоким и прекрасным».

Как следствие оязыченности возникает обособленность, а потому – высокомерие, презрение, даже фобия и своего рода интеллектуальный расизм по отношению к тем не родным *братьям* и *сестрам* – «счастливчикам», для которых Россия – родина-мать.

В мировоззренческий плен с младенчества затягивала система обязательного «европейского» образования, которую ввел Петр и которой цены бы не было, если бы не один чудовищный изъян: ложная религиозно-философская направленность. Идеология государственного просвещения рабски следовала атеистическим веяниям Запада. Это лишало российскую интеллигенцию всякой мыслительной самостоятельности, и она одинаково могла создавать и разрушать.

О «лакействе мысли» (Достоевский) нашего просвещенного сословия говорили многие (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой...). Н.П. Страхов под впечатлением «Первого философического письма» Чаадаева так писал о «европейском» интеллигентском образовании: «...образование внушает нам только смелость и развязанность и не вносит никакого толку в наши мысли... наращивание нашей бессодержательной, не имеющей никаких корней, словом, *фальшивой* образованности не будет приносить нам никакой пользы».

Образование в рамках просвещенческой системы ценностей, провозгласившее приоритет релятивистского рассудка над верой в неколебимый нравственный идеал, само по себе уже делало

из наших умников «вольтерьянцев и фармазонов», то есть «пятую колонну», взрывающую православное государство изнутри. Образованному человеку положено было быть *матерьялистом* и *либералом* и непременно ругать «дремучую Россию» и, разумеется, ее традиционное православно-монархическое правление, причем все равно, как ругать, – с западной, славянофильской, *этнической* (как у героя «Горя от ума» Чацкого) или иной какой позиции – в зависимости от исполняемой роли в этой «жизни-игре». Константин Аксаков о пребывании в Московском университете вспоминал так: «Одностороннее всего были нападения на Россию... Пятнадцатилетний юноша, вообще доверчивый и тогда готовый верить всему, еще много не передумавший, еще со многим не уравнившийся, я был поражен таким направлением, и мне оно часто было больно».

Умники и умницы все как один ждали крушения тирании и торжества республиканских свобод. Но для кого? Достоевский говорил «о самодержавии как о причине всех свобод России... Тут-то разница во взглядах русских-иностранцев и русских-русских: по-иностранному – тирания, по-русски – источник всех свобод». Русский – понятие более профессиональное, чем этническое. Русские-русские есть православные, русские-иностранцы – просвещенцы-язычники. И получается, что интеллектуалы-чацкие всегда «работали» на свободу для римо-язычников и на тиранию для христиан.

Чем раньше и углубленнее начинали дворянские дети систематически образовываться, тем быстрее блекло и иставало их православное мировидение, а римо-языческое набирало плотность. Чем больше знали иностранных языков в ущерб родному (а каждый язык кодирует свое национальное мировосприятие), тем более взгляд на мир становился нерусским. Дворянчики, уже в усадьбах натасканные французами, англичанами, немцами и пригодные к усвоению основного курса наук, – в первую очередь римской античности и

французского Просвещения, – попадая в городские заведения, окончательно отрывались от дома. И не так уж важно было, где они учились: в Иезуитском пансионе или пансионах Мейера, Стадлера, Жирардена, Криля, Жакино, Жонсона, Шлецера... или пусть даже в Кадетском или Пажеском корпусе, или в столичных университетах – везде учителей-иностранцев было подавляющее большинство, а если и попадался русский, так непременно какой-нибудь «любимый профессор Куницын» (как в Царскосельском пушкинском лицее), который неумоимо распаллял воображение незрелых юношей бредовыми утопическими теориями. И немудрено, что из столиц (и из-за границ) по всей России разъезжались сначала байронисты, потом нигилисты и, наконец, бомбисты... Сложилась странная парадоксальная ситуация: чем скорее наши юноши умнели по европейским стандартам, тем стремительнее глупели на трезвую русскую мерку. Умнея номинально, тупели мировоззренчески.

И можно ли осуждать «неученое» большинство за традиционное недоверие и неприязнь к знатокам-интеллектуалам, способным с блеском жонглировать абзацами энциклопедий. Дело тут не в косности и не в зависти «тупого к умному» – ну кому придет в голову не верить или завидовать Ломоносову, Суворову, Пушкину?.. Просто вековой опыт подсказывал, что ум чуждый, чужой, даже если он изо всех сил, до «самопожертвования доброжелательный», хорошему вряд ли чему научит. Россия – не шахматная доска. Без любви и родства – одним просчетом вариантов – достичь благоденствия не получится. Во всяком случае, не раньше получится, чем из русского окончательно сделают «нового русского», но это будет уже не Россия.

Наверное, есть глубокий смысл в том, что в новозаветных культурах главный (побеждающий) фольклорный герой дурак, а не мудрец. В христианстве ум не исчисляется по законам формальной логики. Ум здесь мерится соответствием мысли и дейст-

вия Христову идеалу – этой объективной, позитивистски непостижимой истине, – идеалу, о чьем присутствии в мире знают лишь те, кто верят. А русские верят. Ф.М. Достоевский писал: «*Формула*. Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что православие всё... кто не понимает православия – тот никогда и ничего не поймет в народе».

Сила знаний при некрещеных мозгах была по-буслаевски разрушительна. Вернее, в сотни раз более разрушительна, чем просто сила. Во-первых, потому, что находилась при власти, и, во-вторых, потому, что порождала непомерную гордыню, не иссякающую даже в старости. Образовав и одновременно *раскрестив* верхи, Петр породил в России новую «вольницу» – «вольницу сверху». Навстречу «родной», лесной и степной – славяно-языческой, контролируемой властью и при необходимости подавляемой, – пошла бушевать вольница европейская, петербургская, римо-языческая, где «дубинушку в девяносто пуд» и силу рук сменила французская шпага и знание-сила. Во время смут и революций обе вольницы сходились и действовали заодно. И самая грязная пена снизу, поднимаемая, служила опорой для грязных осадков верхов: на «бесов» всегда работал «Федька Каторжный»...

И петровская, и все последующие революции у нас провоцировались и развивались сверху. У «истоков русского коммунизма» всегда стояли образованцы-западники, которых возродившая античное язычество Европа вскармливала теориями. Эти вечные диссиденты-якобинцы, ради права подражать Европе, отрицали право ближнего человека на собственную религию и культуру.

Революционер на троне – западник Петр; западники-просвещенцы – аристократы-декабристы; западники-дарвинисты – разночинцы-демократы; западники-марксисты – люмпен-пролетарии – все это типичная римо-языческая «ев-

ропейская» вольница, запущенная в Россию сверху. Но образованная наша «патентованная кучка», прекрасно зная, «кто кого разбудил» (ответственности, что ли, опасаясь?), всю вину вечно сваливала на «этих русских», то есть на стихийную – детски невинную по сравнению с идейными, вооруженными теорией верхами – вольницу «родную», славяно-языческую. Болезненно, с огромным трудом русское самодержавие в XIX веке изживало привитые уродства европейского абсолютизма, и только через полторы сотни лет после Петровой революции оно вновь становилось тем, чем должно было быть в России: православной монархией. Но если со славяно-языческой, сыновней вольницей русский царь и русский народ худо-бедно ли, но традиционно справлялись и направляли на путь истинный, то возвратиться ко Христу обращенную в римо-язычество вольницу дворянскую, а потом разночинную оказалось практически невозможным.

Петр ввел личную зависимость крестьянина от помещика, и на плечи униженного, превращенного в раба православного народа легла непомерной тяжести задача: «окрестить» собственных господ... Каким благородством души нужно было обладать, каким чувством христианского долга и пониманием своего предназначения, чтобы, томясь в крепостном плену, полюбить своих поработителей и нести этим гордым, властным, образованным барчукам свет Христовой истины. Поклон всем дядькам и нянюшкам, которые, сами того не ведая, вступили в битву за души «дитяток» своих дворянчиков с мощнейшей, унифицированной системой языческого государственного воспитания, насажденного нам Европой. Егоровны и Савельичи бились за своих подопечных с «мадам Розье», «мисс Жаксон», «мосье Бопре», с пансионами и университетами и, бывало, проигрывали, бывало, побеждали.

Не послушал Владимир Дубровский – «соколик ясный» – своей старой няньки Орины Егоровны, не доложил о

несправедливости «царю-батюшке», а собрав под свое предводительство добрых молодцев славянской вольницы, пролил кровь, отдал прекрасную Машу зловещему Верейскому и «скрылся за границу». А у Петруши Гринева, который рос не в Кадетском корпусе, но «играл в чехарду с дворовыми ребятами», жизнь удалась. Удалась, может быть, потому, что он в основном следовал советам крепостного своего дядьки, которого с любовью называл «друг ты мой, Архип Савельич».

Дядьки и нянюшки со своим православным самоотречением, церковным образованием и эпической памятью выполняли для России задачу чрезвычайной важности. Приобщая подопечных к нарочито забытой «обществом» собственно русской христианской культуре, посвящая «дитяток» в знание «русской тайны», они восстанавливали распавшуюся связь времен, сшивая европейское «новое время» со «старым» русским, роднили «новый» мир с «вечным». Они сглаживали проблему отцов и детей и передавали «младенцам» веками накопленный русский опыт.

Барчуки, которым выпало счастье пройти «бабушкину школу» и соприкоснуться с православной культурой, уже могли иметь надежду вырваться из состояния самонадеянного ребячества и, пропустив через себя Европу, сознательно вернуться «на круги своя». Для них сиял уже в жизни тихий свет родного дома. Им было куда выйти из мирных скитаний: было бы мужество и талант.

Не будь этих крепостных воспитателей (а «прогрессивное образование» требовало «не портить» дворян слугами!) – неоткуда было бы взяться у нас и великой русской христианской литературе XIX века. Даже огромные дарования, не причащенные в младенчестве к народной чаше нравственного здоровья, – таланты, которые стремительно развивались по уровню вне виденья устойчивого идеала, – чаще всего надрывались и оказывались в гибельном тупике. И тогда – сумасшествие, самоубийство,

бегство из России (А.Радищев, ыП. Чаадаев, К. Батюшков, А. Белый...).

М.Ю. Лермонтов, который с таким колоссальным напряжением сил души искал дорогу к дому для «героя своего времени», сожалел о собственном детстве: «Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская – я не слышал сказок народных; в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». На ту же больную для России тему много рассуждал Ф.М. Достоевский: «Господи, да какие же мы русские?.. Почему Европа имеет на нас такое сильное, волшебное, призывное впечатление?.. я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю... Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?.. Я про факт говорю, что мы не переродились даже при таких неотразимых влияниях, и не могу понять этого факта. Ведь не няньки ж и мамки наши уберегли нас от перерождения. Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было б Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, и не было б у нас Пушкина. Ведь это вздор? Неужели не вздор? А что, если и в самом деле не вздор? Вот теперь много русских детей везут воспитываться во Францию; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и там у него не будет ни Арины Родионовны, ни русской речи с колыбели? А уж Пушкин ли не русский был человек!.. Он художнической силой от своей среды отделился и с точки народного духа ее в Онегине великим судом судил».

У русского народа явилось новое заветное чаяние – привести ко Христу своего «барина». Русская литература начала новую «вечную» тему – тему «лишнего человека»: оторванного от православной народной среды скитальца-интеллигента (Онегин, Печорин...); тему пути этого городского грешника ко Христовой истине (Раскольников...). Не было б Арины Родионовны...

Андрей Михайлович Баженов – литературовед, критик, учитель высшей категории, г. Москва.